
ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Нѣсколько предварительныхъ словъ.

Подъ этимъ заглавіемъ мы будемъ отмѣчать болѣе или менѣе интересныя явленія въ нашей церковной и отчасти общественной жизни, извлекая свои свѣдѣнія изъ епархіальныхъ вѣдомостей, газетъ, духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ. Интересными мы считаемъ явленія не по ихъ видимой важности, а по внутреннему ихъ значенію. Повидимому довольно ничтожное обстоятельство, ограниченное малымъ количествомъ времени и пространства, можетъ заключать въ себѣ болѣе внутренней цѣнности, чѣмъ многія крупныя церковныя и общественныя явленія, пустыя по своему нравственному содержанію, подобно тому, какъ поступокъ обыкновеннаго человѣка можетъ быть болѣе поучительнымъ, чѣмъ вся дѣятельность иного сановника. Мы будемъ отмѣчать явленія, какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго свойства: боимся, что будетъ больше вторыхъ. Но и въ этомъ случаѣ наша цѣль не указать на нихъ пальцемъ, не произнести надъ ними высокоумнаго и презрительнаго приговора. Нѣтъ. Поискать сообража какого-нибудь выхода къ свѣту и добру, чтобы и тамъ жилось легче и свѣтлѣе, вотъ чего мы хотимъ. Поэтому, если намъ придется касаться обстоятельствъ, связанныхъ съ извѣстными лицами, то эти лица, напередъ предупреждаемъ, для насъ не существуютъ; мы видимъ лишь событія, то покровительствующія, то враждебныя нравственному прогрессу. Мы безусловно вѣримъ, что у cadaго человѣка есть крылья, влекуція его къ правдѣ. Но у большинства они связаны. И долгъ cadaго хоть сколько-нибудь помочь развязать ихъ.

I.

По поводу Высочайшаго указа 12 декабря.—Предложеніе Преосв. Димитрія.—Недостатокъ живого архипастырскаго воздѣйствія.—Священническая „жалость“.—Сношеніе духовенства съ епархіальною властью чрезъ благочинныхъ.—О благочинныхъ.—Собранія духовенства для исповѣди.—
Объ епархіальныхъ сѣздахъ изъ о.о. благочинныхъ.

По поводу Высочайшаго указа 12 декабря. Высочайшій указъ 12 декабря есть шагъ въ сторону добра, шагъ къ побѣдѣ христіанства надъ началами язычества.

Языческая мудрость, въ большей или меньшей степени положенная въ основу государственнаго устройства существовавшихъ и существующихъ народовъ, мало уважала интересы отдѣльной личности и думала главнымъ образомъ о благополучіи общества, цѣлаго. При этомъ цѣлое было для нея не столько совокупностью конкретныхъ единицъ, сколько абстрактной величиной, иногда почти отождествлявшейся съ органомъ общественнаго порядка. Болѣе всего боясь разъединенія этого цѣлаго, стремясь къ слиянію интересовъ отдѣльныхъ лицъ и къ механизированію жизни, она считала себя въ правѣ лишать иногда членовъ государства законной доли свободы, самостоятельности и инициативы въ устроеніи своей не только внѣшней, но и внутренней жизни, вносить неравенство въ права и обязанности, трудно примиримое съ человѣческимъ достоинствомъ, кончая рабствомъ и религіозною нетерпимостью.

Не такова мудрость евангельская. Не абстрактное цѣлое и даже не благополучіе большинства, а человѣческая, богоподобная личность, ея духовно нравственное усовершенствованіе—ея цѣль. Для нея всѣ люди одинаково способны быть сынами Божиими. Для нея разбойникъ повѣшенный можетъ хранить въ себѣ большее сѣмя добра, чѣмъ мудрые учителя и правители народа. Для нея всѣ равны. Всѣмъ одинаково должно быть позволено дѣлать добро, всѣ одинаково не имѣютъ права дѣлать зло. Всѣ одинаково имѣютъ право знать всю истину, и всѣ одинаково должны отвѣчать за свои ошибки. Всѣ одинаково должны быть обезпечены отъ случайнаго произвола и насилія. Между равными не можетъ быть какого бы то ни было рабства. Любовь и вѣра—единственная сила, которая должна двигать личностью человѣка.

Въ дѣлахъ вѣры не должно быть насилія. Древніе, желая навязать свою вѣру другимъ, употребляли угрозы и наказанія. Но Учитель сказалъ: „возврати мечъ твой въ его мѣсто, ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ; или ты думаешь, что Я не могу умолить Отца Моего, и Онъ представитъ мнѣ болѣе, нежели двѣнадцать легионовъ ангеловъ?“ Если бы такое насажденіе вѣры было угодно Богу, Онъ могъ бы употребить подобныхъ средствъ неизмѣримо болѣе, чѣмъ они. Совѣтъ діавола Евѣ — поправить оплошность Самого Творца не слышался ли бы въ голосъ тѣхъ, кто вздумалъ бы своими репрессаліями восполнить пробѣлъ въ Провидѣніи? Не устроили ли бы они не то мессіанское царство, которое создалъ Христосъ, а то, о которомъ мечтали евреи временъ Его?

Высочайшій указъ 12 декабря, направленный къ усовершенствованію государственнаго строя, на одинъ шагъ приближаетъ его къ идеалу евангельскому, къ идеалу равенства, свободы, любви. Намѣреніе: сдѣлать дѣйствительно „полноправными, свободными сельскими обывателями“ крестьянъ, выдѣленныхъ до сихъ поръ въ особое сословіе съ большимъ ограниченіемъ правъ личности, чѣмъ другія сословія, предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ большую *самостоятельность* и возможно широкое участіе въ завѣдываніи мѣстнымъ благоустройствомъ чрезъ представителей всѣхъ слоевъ населенія на *однородныхъ правахъ*, а также образовать подобныя общественныя учрежденія и въ небольшихъ участкахъ, внести единство суда для всѣхъ лицъ въ цѣляхъ охраненія *равенства* передъ судомъ, обезпечить участь рабочихъ, *уменьшить стѣсненіе правъ* частныхъ лицъ, производимое административнымъ порядкомъ, въ цѣляхъ охраненія *терпимости* въ дѣлахъ вѣры, *устранить* въ религіозномъ бытѣ раскольниковъ и лицъ инославнаго и иновѣрнаго исповѣданія всякое, прямо въ законѣ не установленное, *стѣсненіе*, пересмотрѣть постановленія, ограничивающія *права* ивородцевъ, *устранить* излишнія стѣсненія печатнаго слова, давъ возможность отечественной печати выполнять высокое призваніе быть правдивой выразительницей разумныхъ стремленій на пользу Россіи,—всѣ эти намѣренія Государя проникнуты уваженіемъ къ человѣческой личности, независимо отъ ея внѣшняго положенія, признаніемъ за нею большаго

права болѣе или менѣе свободно устроить свою внутреннюю и внѣшнюю жизнь, исповѣдывать и служить своей правдѣ, признаніемъ бѣльшаго равенства и бѣльшей свободы за всѣми членами государства. Осушествленіе предположенныхъ реформъ будетъ новой побѣдой истинно-культурныхъ началъ, созданныхъ на почвѣ евангелія.

Но не здѣсь все значеніе указа 12 декабря. Исторически сложилось, что у насъ, въ Россіи, общественная и церковная жизнь всегда шли параллельными путями. И справедливость требуетъ сказать, что направленіе было избираемо чаще кормчимъ общественной, а не церковной жизни. Есть основаніе надѣяться, что и теперь улучшение государственнаго порядка вызоветъ таковое же и въ церковной жизни. Да это будетъ почти естественнымъ послѣдствіемъ. Въ государствѣ назрѣла потребность въ такихъ перемѣнахъ, которыя ведутъ къ децентрализаціи власти, къ увеличенію правъ лицъ нисшаго положенія и къ облегченію отвѣтственности лицъ и учреждений, обремененныхъ властью свыше возможной ихъ компетенціи. Если такія реформы признаны для внѣшней жизни, для общественнаго строя, то въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго усовершенствованія, въ жизни духа, въ дѣлахъ вѣры и любви, онѣ являются не только удовлетвореніемъ исторически назрѣвшей потребности, но возстановленіемъ единственно возможнаго въ церковной жизни порядка, устраненіемъ слѣдствій печально сложившихся для нашей церкви обстоятельствъ, возвращеніемъ къ забытому во многомъ евангелію и канонамъ церковнымъ. Въ подражаніе общественному строю нашъ церковный строй проникнутъ чрезмѣрною централизаціею духовной власти. Всѣ источники церковной жизни идутъ изъ духовнаго сословія, а въ немъ изъ органовъ управленія. Низы, т.е. міряне и даже нисшее духовенство, только слушаютъ, но почти ничего не говорятъ; да ихъ и не спрашиваютъ. Всѣ дѣла вершать верхи по своему усмотрѣнію. Организмъ, въ которомъ кровь перестала возвращаться назадъ, начинаетъ сохнуть, мертвѣть. Первое средство къ его оздоровленію—это открытыя родники, таящіяся въ низахъ, вернуть мірянамъ и пастырямъ ихъ законныя права. Необходимая децентрализація церковной власти должна выразиться въ предоставленіи мірянамъ бѣльшаго участія въ церковной жизни и въ уве-

личеніи полномочій, въ уравненіи правъ, какъ священниковъ, такъ и епископовъ. Первое требуетъ возстановленія прихода съ правомъ участія прихожанъ въ выборахъ духовенства, второе—соборнаго церковнаго управленія. Въ слѣдующихъ книжкахъ журнала мы будемъ говорить объ этомъ подробнѣе. Предварительно же считаемъ полезнымъ нѣсколько ознакомиться съ наличнымъ состояніемъ церковной жизни.

Предложеніе преосв. Димитрія. Епархіальный съѣздъ духовенства Гурійско-Мингрельской епархіи, разсматривая причины замѣтнаго въ послѣднее время ослабленія религиозно-нравственной жизни въ приходахъ, нѣкотораго охлажденія пасомыхъ къ посѣщенію храма Божія и исполненію ими религиозныхъ обязанностей, призналъ необходимымъ усилить церковное и внѣцерковное учительство приходскихъ пастырей. Въ своей резолюціи по поводу этого постановленія съѣзда преосв. Димитрій между прочимъ пишетъ:

Нынѣ же предлагаю оо. благочиннымъ наистрожайше слѣдить за учительствомъ приходскихъ пастырей и о нерадивыхъ и нежелающихъ быть учительными немедленно доносить мнѣ. Каждый приходскій священникъ обязанъ предлагать своей паствѣ за каждымъ воскреснымъ и праздничнымъ богослуженіемъ соотвѣтствующее слово назиданія. Въ концѣ же года каждый приходскій священникъ обязанъ представлять своему благочинному не менѣе 12 писанныхъ проповѣдей, въ разное время въ продолженіе года сказанныхъ имъ. Но этимъ указаннымъ числомъ пастырь отнюдь не имѣетъ права ограничиваться, приходскій священникъ, повторяю, обязанъ въ церкви учить постоянно, писанныя же его проповѣди, представляемыя благочинному, служатъ показателемъ характера его проповѣдничества и степени его усердія въ составленіи церковныхъ бесѣдъ. При церквяхъ должны имѣться особаго образца журналы, гдѣ будетъ отмѣчаться, когда, кѣмъ отправлено богослуженіе, какое слово было предложено народу и какое выдающееся событіе происходило въ жизни прихода.

Вотъ все, что можетъ сдѣлать теперь энергичный, одушевленный желаніемъ добра архипастырь, не выходя изъ рамокъ установленныхъ въ нашей церковной жизни традицій и порядковъ. Не надо быть слишкомъ проницательнымъ, чтобы предсказать, что предложеніе преосвященнаго не будетъ

имѣть большихъ дѣйствительныхъ результатовъ. Только тогда проповѣдь дѣйствительно трогаетъ слушателей и вызываетъ христіанское настроеніе, когда исходитъ изъ горячаго сердца. вдохновляется любовью къ слушателямъ, болью за ихъ немощи и слабости. Проповѣди же, сказанныя и написанныя *по обязанности*, по принужденію, лишь затѣмъ, чтобы не получить выговора и не подвергнуться штрафу, никого не научать, ни на кого не подѣйствуютъ. Это мѣдь звенящая, кимваль звучащій. Эти безжизненные, холодныя, разсудочныя, вымученныя проповѣди могутъ скорѣе повредить настроенію молящихся. Слыхали мы подобныя проповѣди, и дай Богъ ихъ больше не слышать!

Что же дѣлать? Такъ ли дѣйствительно опустилось наше духовенство, что стало вполнѣ „безъидейнымъ, мертвымъ, погруженнымъ въ личные мелочные интересы“? Нѣтъ. Признавая во многомъ справедливыми нападки свѣтской печати на наше духовенство, мы убѣждены—и имѣемъ на то основаніе въ нѣкоторомъ личномъ знакомствѣ съ нимъ,—что въ немъ дремлетъ много нравственныхъ силъ; надо умѣть лишь вызвать ихъ. А для этого необходимо многое измѣнить въ существующемъ церковномъ строѣ, въ отношеніяхъ паствы и духовенства, священниковъ и епископовъ, въ воспитаніи и образованіи будущихъ пастырей и т. д.

Недостатокъ живого архипастырскаго воздѣйствія. Церковный Вѣстникъ въ статьѣ „О взаимоотноеніи духовенства“, (1904 г. № 47) скаавъ много печальной правды о современномъ духовенствѣ, вслѣдъ за многими склоненъ одну изъ причинъ застоя въ жизни его видѣть въ особыхъ тяжелыхъ условіяхъ дѣятельности нашего духовнаго начальства, призваннаго наставлять и руководить духовенство.

Наши архипастыри во всѣхъ своихъ многочисленныхъ воспоминаніяхъ, письмахъ и автобіографическихъ запискахъ съ душевною скорбью говорятъ, что имъ служить „тяжело, мучительно тяжело“. Почему? А потому, что ни одинъ изъ нихъ не въ силахъ предпочесть массѣ дѣль нравственную обязанность поучать, наставлять, руководить и молиться. Подписать до 20 тысячъ бумагъ, принять столько же просителей, на 5—10 минутъ cadaго,—и это въ теченіе года! Ясно, что архипастырь вынужденъ принимать на себя роль большого чиновника, назначающаго, утверждающаго, карающаго и милую-

шаго. Пастырь прихода, прїѣхавшій за сотню верстъ къ своему архипастырю излить свою душу, получить наставленіе, указаніе, часто встрѣчаетъ холодный пятиминутный прїемъ, послѣ котораго у него навсегда пропадаетъ охота „изливать свою душу“. Самъ архипастырь скорбитъ, что не имѣлъ времени выслушать и наставить страждущаго и „пылающаго идеями“, потому что у него масса неотложныхъ дѣлъ и много другихъ просителей. И пылающіе идеями потухаютъ, замыкаются въ узкій кругъ своихъ обязанностей и молчатъ... молчатъ. А самъ архипастырь скорбитъ, унываетъ и страдаетъ, сознавая, что дѣлаетъ не то, что предписали ему Христосъ и апостолы.

Ненормальность этого явленія слишкомъ очевидна. Первая и самая главная обязанность епископа, какъ руководителя духовенства—это давать собою образецъ пастырскаго душепопеченія, и не словами, резолюціями и циркулярами, такъ какъ для этого вовсе не требуется ни пастырской опытности, ни любвеобилія, ни полноты благодатныхъ даровъ, присутствующихъ епископу, а своею жизнью, своею личностью, своимъ дѣятельнымъ отношеніемъ къ паствѣ и духовенству. „Будь образцомъ для вѣрныхъ въ словѣ, въ знаніи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ“, говоритъ ап. Павелъ Тимоѣю (1 Тим. IV, 12). А между тѣмъ, собственно говоря, ни паства, ни духовенство не видятъ своего архипастыря. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ становится лицомъ къ лицу съ ними, его главная цѣль обыкновенно—контроль и ревизія того, что сдѣлано безъ него, оцѣнка чужихъ дѣлъ, награда или наказаніе. Архіерейскія поѣздки по сельскимъ приходамъ главнымъ образомъ направлены на повѣрку дѣятельности сельскаго духовенства; посѣщеніе учебныхъ заведеній во время уроковъ и экзаменовъ — на контроль преподавателей; присутствіе епископа на миссіонерскихъ бесѣдахъ выражаетъ собою какую то молчаливую санкцію бесѣдъ миссіонеровъ. Все это съ подобнымъ успѣхомъ могъ бы выполнить и чиновникъ. А между тѣмъ кто, какъ ни архипастырь, долженъ утѣшить, подкрѣпить священника, когда ему становится тяжело отъ личнаго ли горя или отъ сознанія своего безсилія осуществить свои идеалы, или когда онъ подпалъ подъ власть обычныхъ человѣческихъ немощей? Кто, какъ ни архипастырь, долженъ показать священнику, какъ нужно учить вѣрѣ и любви, какъ трогать сердца прихожанъ и въ церкви,

и внѣ церкви? Кто, какъ ни архипастырь, долженъ идти къ заблудшимъ овцамъ и показать имъ примѣръ любви, снисхожденія и печали объ ихъ заблужденіи? Кто, какъ ни архипастырь, долженъ возжечь своими бесѣдами огонекъ въ сердцахъ питомцевъ духовныхъ школъ, готовящихся къ пастырскому служенію, пробудить въ нихъ святую энергію? Неужели же архипастырская мудрость, любовь и благодать на то только и пригодны, чтобы отдать приказаніе учителю, миссіонеру, священнику сдѣлать это? *Зажегше свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ.* Труднѣе сдѣлать, чѣмъ приказать. Слѣдовательно духовные дары архипастыря должны обнаруживаться въ дѣланіи, а не въ приказаніи. Да и зачѣмъ приказывать? Развѣ тѣ безъ приказаній не знаютъ, что должны они дѣлать? Надо влить въ нихъ духъ, зажечь огонь. Не связанные заботой о семьѣ и матеріальномъ обезпеченіи, наши архипастыри имѣютъ больше возможности, чѣмъ священники, послѣдовать Пастыреначальнику Христу и Его апостоламъ. Почитайте рѣчи, произносимыя многими изъ нихъ во время ихъ хиротоніи. Сколько тутъ вдохновеннаго огня, христіанскаго смиренія, готовности идти навстрѣчу всякому горю, безъ боязни передъ осужденіями міра сего, какъ велико въ нихъ свойственное истинно-христіанской душѣ чувство отвѣтственности за всѣхъ и за все! Куда и это все исчезаетъ? И это все гложетъ среди безжизненныхъ традицій и гнетущихъ условій, которыя дѣлаютъ изъ нашихъ лучшихъ епископовъ настоящихъ узниковъ. Необходимо освободить ихъ отъ юридическихъ обязанностей, вернуть ихъ къ живымъ обязанностямъ пастыре-начальника, къ обязанности и словомъ, и дѣломъ непрестанно учить паству и пастырей, властвовать не надъ бумагой и въ лучшемъ случаѣ не надъ внѣшнею судьбою пасомыхъ, а надъ душами человѣческими, повсюду разнося любовь и милосердіе, правду и свѣтъ.

Священническая „жалость“. Въ Томскихъ еп. вѣдомостяхъ (№ 22. 1904 г.) помѣщена автобіографическая замѣтка одного священника, наводящая читателя на нѣкоторыя думы.

Служу я Церкви Божіей почти двадцать три года въ санѣ священника. Въ теченіе первой половины своей службы я *служилъ*, какъ и всѣ *служатъ*, т. е. исправно исполнялъ свои обязанности священника и законоучителя, не зная жалости къ дѣтямъ и пасомымъ. Какъ священникъ, я и тогда,

въ первый періодъ своей службы, говорилъ напр. часто проповѣди и, замѣчательно!—все больше обличительнаго характера съ ясно сознаваемымъ (теперь) высокоуміемъ, что я—не яко же прочіи... Я усердствовалъ въ этомъ направленіи, подражая (по слухамъ) какому-то столичному проповѣднику — обличителю. Чѣмъ я больше „старался“, тѣмъ я больше отталкивалъ отъ себя: меня хвалили, но никто не любилъ, потому что и самъ я въ то время любилъ самого себя и свою образованность.

Но вотъ гдѣ то далеко прозвучалъ чей-то голосъ, зовущій къ любви. Это былъ голосъ ректора Московской академіи архимандрита (теперь епископа) Антонія. Батюшка съ горячностью принялся изучать его брошюры.

Съ глубины души поднялось *забитое* и *затаенное* чувство любви къ ближнимъ. Вѣдь мы были замороженными созданиями подъ страхомъ училищъ, семинарій, начальства...

Въ скоромъ времени батюшкѣ удалось лично познакомиться съ арх. Антоніемъ. Бесѣды съ нимъ, а также сослуженіе съ о. Іоанномъ Кронштадскимъ произвели цѣлый переворотъ въ душѣ батюшки.

Тутъ я понялъ, что народу нужна наша любовь, наша *жалость*. Жалость, жалость. Милосердную о народѣ семъ. Такъ жалѣлъ народъ Христосъ; училъ и не судилъ.

Сношеніе духовенства съ епархіальною властью чрезъ благочинныхъ. Одна духовная консисторія, заслушавъ резолюцію преосвященнаго о томъ, что „священники должны направлять прошенія епархіальному начальству чрезъ благочинныхъ, и словесный докладъ секретаря консисторіи, въ которомъ онъ во избѣжаніе излишней справочной переписки съ благочиннымъ и въ цѣляхъ усиленія нравственнаго воздѣйствія благочиннаго на составителей бумагъ, считаетъ необходимымъ сдѣлать циркулярное, чрезъ напечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, распоряженіе о томъ, чтобы духовенство епархіи не позволяло себѣ отступленій отъ того установленнаго уже общаго, вполне естественнаго и понятнаго порядка, по коему всякое дѣло, за исключеніемъ весьма немногихъ, направляется обыкновенно Епархіальному Начальству чрезъ мѣстнаго о. благочиннаго, который препровождаетъ его по назначенію съ необходимыми къ нему добавленіями и разъясненіями,

приказала:

Въ исполненіе вышепроеписанной Архипастырской резолюціи и въ виду соображеній, высказанныхъ г. секретаремъ консисторіи, дать знать духовенству епархіи чрезъ напечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, чтобы въ сношеніяхъ съ Епархіальнымъ Начальствомъ, во избѣжаніе напрасной переписки, оно направляло бумаги свои Епархіальному Начальству не иначе, какъ чрезъ о. благочиннаго, за исключеніемъ немногихъ бумагъ, которыя по свойству своему должны быть представляемы Епархіальному Начальству непосредственно.

Означенное распоряженіе консисторіи очень важно. Имъ почти совершенно исключаются непосредственныя письменныя (для многихъ единственныя) сношенія духовенства съ своимъ епархіальнымъ начальствомъ. Почти всѣ заявленія о его нуждахъ и недоумѣніяхъ должны направляться чрезъ благочиннаго. Епископъ будетъ знать о нихъ изъ вторыхъ рукъ, слѣдовательно не въ ихъ истинномъ видѣ. Во-первыхъ, самыя заявленія священниковъ, проходя чрезъ руки благочиннаго, конечно будутъ измѣняться по желанію и вкусамъ послѣдняго, такъ какъ онъ имѣетъ полную возможность оказать давленіе на священниковъ, располагая для этого довольно сильными средствами. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторыхъ заявленій, почему-либо неприятныхъ ему, онъ можетъ не взять, взявши, положить подъ сукно или замедлить представленіемъ ихъ, передаваемыя имъ бумаги, благодаря его „разъясненіямъ и добавленіямъ“ неминуемо примутъ опредѣленную окраску. Надо помнить, что благочинный—это обыкновенный священникъ, избранный не духовенствомъ, а епископомъ, живущій среди подобныхъ же священниковъ и потому связанный извѣстными симпатіями и антипатіями. Въ конечномъ результатѣ будетъ то, что епископъ на положеніе церковной жизни въ своей епархіи будетъ смотрѣть чрезъ очки благочинныхъ. И безъ того неблизкій къ духовенству, онъ будетъ еще дальше отъ него. Секретарь консисторіи въ пользу своего доклада приводитъ то соображеніе, что непосредственное обращеніе къ епархіальному начальству лишаетъ благочинныхъ возможности знать теченіе жизни въ своемъ благочиніи. Но благочинный и помимо этого имѣетъ множество средствъ для ознакомленія съ приходской жизнью, не говоря уже о томъ, что знать

эту жизнь необходимѣе епископу, чѣмъ благочинному. Весьма желательно уменьшить канцелярскія дѣла епископа, но означенное распоряженіе очень мало уменьшая ихъ, по существу своему не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ, поскольку устанавливаетъ обязательное посредство между духовенствомъ и его руководителемъ. Лучше нѣкоторый разрядъ дѣлъ, менѣе значительныхъ, совсѣмъ выдѣлить изъ вѣдѣнія епископа и передать другой, нисшей власти. Однако мы не думаемъ, чтобы такой властью могъ быть современный благочинный.

О благочинныхъ. Въ истекшемъ году въ духовной печати не разъ обсуждался вопросъ о благочинныхъ. Въ статьѣ: „чѣмъ объясняется пониженіе авторитета благочинныхъ, какъ руководителей приходскаго духовенства?“, появившейся въ Костромскихъ еп. вѣд. и перепечатанной многими епархіальными редакціями, авторъ констатируетъ тотъ фактъ, что благочинные, призванные быть представителями епархіальной власти и руководителями церковно-просвѣтительной дѣятельности духовенства, не имѣютъ у послѣдняго почти никакого нравственнаго авторитета. Они безсильны уладить распри, иногда самыя пустыя, среди причтовъ; не только священники, особенно молодые, даже псаломщики, пренебрежительно относятся къ увѣщаніямъ благочиннаго, не оказываютъ ему повиновенія, „грозя дойти до синода“. Благодаря этому масса незначительныхъ дѣлъ, которыя могли бы быть рѣшены благочиннымъ, поступаетъ на разсмотрѣніе епископа, отвлекая его отъ другихъ болѣе важныхъ дѣлъ. Причину паденія авторитета благочинныхъ авторъ видитъ въ томъ, что они далеко не всегда по своимъ личнымъ качествамъ являются образцовыми пастырями и достойными начальниками, часто страдая обычными въ духовенствѣ недостатками, кромѣ того обнаруживая часто недобросовѣстное пристрастіе въ благочинническихъ отчетахъ о поведеніи членовъ причта, или чрезмѣрное миролюбіе и снисходительность тамъ, гдѣ, по автору, требуется рука властная и сильная. Можетъ ли благочинный, спрашиваетъ авторъ, съ должною авторитетностью дѣлать внушенія священникамъ, нерадящимъ о проповѣданіи слова Божія, если онъ самъ страдаетъ тѣмъ же самымъ недостаткомъ? *Руководство для сельскихъ пастырей* (1904 г. № 1), отмѣчая тотъ

же фактъ недостаточнаго нравственнаго воздѣйствія благочинныхъ на духовенство, указываетъ слѣдующія средства къ устраненію его. Такъ какъ обязанности приходскаго священника по своей сложности оставляютъ благочиннымъ слишкомъ мало досуга для наблюденія и руководства надъ жизнью духовенства, то прежде всего ихъ слѣдуетъ освободить отъ обязанностей приходскаго священника. Далѣе, чтобы быть въ состояніи „стать выше своихъ подчиненныхъ по убѣжденіямъ, стремленіямъ и по всей вообще дѣятельности“, благочинными должны быть лица съ высшимъ академическимъ образованіемъ. Нужно, наконецъ, расширить ихъ власть, поручивъ имъ рѣшеніе незначительныхъ дѣлъ, идущихъ теперь на разсмотрѣніе епархіальной власти, и увеличить ихъ содержаніе (не менѣе 1500 р. въ годъ).

Мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы приведенные рецепты могли существенно помочь оздоровленію института благочинныхъ. Слишкомъ понятно само собой, что живому дѣлу нравственнаго воспитанія и руководительства людей ничто такъ не вредитъ какъ чиновничество. Только духъ можетъ оживить духъ; буква же не въ состояніи сдѣлать этого. Лишь тогда человѣкъ можетъ нравственно вліять на другихъ, когда онъ прошелъ тотъ же жизненный путь, что и эти другіе, когда онъ все извѣдалъ, все понялъ. Только это даетъ власть надъ душами человѣческими. „Онъ долженъ былъ во всемъ уподобиться братьямъ, чтобы быть милостивымъ и вѣрнымъ Первосвященникомъ предъ Богомъ для умилостивленія за грѣхи народа; ибо какъ Самъ Онъ претерпѣлъ, бывъ искушенъ, то можетъ и искушаемымъ помочь“ (Евр. II, 17—18). Тамъ же, гдѣ нѣтъ жизненнаго опыта, его замѣняютъ буква и слово. Мы думаемъ, что мѣры, предлагаемые священникомъ Дроздовымъ, могутъ скорѣе создать чиновниковъ, чѣмъ опытныхъ и мудрыхъ руководителей духовенства. Священникъ, не несшій на своихъ плечахъ всей тяжести приходскаго служенія, ни въ какомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, не можетъ руководить въ этомъ служеніи другими. Слишкомъ много наша церковная и общественная жизнь испытала и продолжаетъ испытывать зла отъ назначенія въ качествѣ руководителей лицъ, не прошедшихъ ни школы, ни опыта тѣхъ, кто поручался ихъ руководству, чтобы еще производить эти вредные эк-

сперименты. Даже и тогда, когда таковыми являлись люди съ добрыми намѣреніями и симпатичными принципами, толку отъ нихъ было мало, такъ какъ они бессильны были провести свои намѣренія въ жизнь.

Далѣе. Признавая, что академическое образованіе даетъ значительный перевѣсъ въ умственномъ развитіи кандидатамъ академіи передъ семинаристами, мы не думаемъ въ тоже время, чтобы оно дѣлало людей „выше по убѣжденіямъ, стремленіямъ и по всей вообще дѣятельности“. Образованіе не гарантируетъ ни религіозныхъ, ни нравственныхъ добродѣтелей. А онѣ для благочиннаго едва ли не важнѣе умственнаго развитія. Думаемъ, что священникъ Дроздовъ взялъ бы свои слова о возвышенности убѣжденій, стремленій и всей вообще дѣятельности академистовъ назадъ, если бы былъ лучше знакомъ съ духовенствомъ, получившимъ высшее образованіе, напр. съ столичнымъ. Имѣйте въ виду и то, что если до сихъ поръ была возможность дѣлать выборъ изъ всѣхъ сельскихъ священниковъ, то для кандидата академіи выбора не можетъ быть, такъ какъ онѣ одинъ въ благочиніи. Крайне желательно видѣть среди сельскаго духовенства лицъ съ высшимъ образованіемъ. Они могли бы оказать духовенству огромную услугу. Но обязательно связывать ученый дипломъ и пастырское руководство—неполезно для дѣла. Что касается передачи нѣкоторыхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія епархіальной власти благочинному, то оно исполнѣе желательно. Но это возможно лишь тогда, когда благочинный будетъ пользоваться довѣріемъ духовенства и будетъ для нихъ нравственнымъ авторитетомъ.

Еще менѣе, думаемъ мы, принесетъ пользы дѣлу проэктъ о. В. Д-ва (Церк. Вѣстникъ 1903 г. № 26) объ учрежденіи уѣздныхъ благочинныхъ съ академическимъ образованіемъ. Живя вдали отъ сельскаго духовенства и не обладая практикой приходскаго священника, такой благочинный еще менѣе способенъ войти въ нужды духовенства и соотвѣтствующимъ образомъ вліять на него. Это будетъ въ полномъ смыслѣ чиновникъ, контролирующій, ревизующій, доносящій, наказывающій, и ничего болѣе. „Начальства у насъ и безъ того много; что пользы хлестать тощую лошаденку по выпятившимся отъ худобы ребрамъ“, справедливо замѣчаетъ по этому поводу о. С-кій (Церк. Вѣстникъ 1904 г. № 11).

О. В. Д-въ мотивируетъ свой прое́ктъ тѣмъ, что „благочинный—это товарищъ священниковъ, ему подчиненныхъ, ихъ сосѣдъ; удобно ли ему относиться безпристрастно къ поступкамъ товарища?.. Поэтому благочинные смотрятъ сквозь пальцы на подчиненныхъ. Человѣкъ слабъ и нуждается въ разумномъ контролѣ“. Да, тому, чтобы смотрѣть на священниковъ, какъ на подчиненныхъ, и свою цѣль ставить въ предписаніяхъ, контролѣ и отмѣткахъ о поведеніи, сосѣдство и товарищество можетъ помѣшать. Но это показываетъ лишь то, что добрая, сердечная связь не выносить такихъ отношеній благочиннаго къ духовенству, какихъ желаетъ о. Д-въ. Но болѣтъ душой за каждую слабость священника, всѣми силами стараться вызвать въ немъ упавшую энергію, разогрѣть потухнувшія искры, можетъ лишь другъ, близкій, братъ, отъ котораго ничто не сокрыто, и который думаетъ не о томъ, чтобы не была оскорблена слѣпая богиня справедливости и воздаянія, а главнымъ образомъ о томъ, чтобы не погибъ живой человѣкъ, братъ, а за нимъ многіе. Пусть его не будутъ бояться, пусть онъ будетъ снисходителемъ въ своихъ отчетахъ. Боязнь и наказаніе въ вещахъ духовныхъ никогда ничего истинно-хорошаго не производили. Быть проникнутымъ евангельско-пастырскимъ духомъ, горѣть желаніемъ видѣть его и въ другихъ пастыряхъ, своихъ братьяхъ и сослуживцахъ, вотъ самое главное, что требуется отъ руководителя духовенства. Только тогда онъ можетъ, не прибѣгая ни къ циркулярамъ, ни къ угрозамъ и наказаніямъ, своимъ словомъ и своею личностью поддерживать на должной высотѣ своихъ собратьевъ, когда послѣдніе сами, а не епископъ за нихъ, признаютъ въ немъ высокія, истинно-пастырскія качества, отнесутся съ полнымъ довѣріемъ къ его безпристрастію, почтутъ въ немъ старшаго брата, способнаго научить ихъ. Ясно, что это можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, если *благочинные будутъ избираться не епархіальною властью, а самимъ духовенствомъ*. Это первое и главное, что требуется измѣнить въ институтѣ благочинныхъ.

Но и при выборахъ благочинныхъ ихъ обязанности, даже въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ представляются дѣйствующею нынѣ инструкціею, слишкомъ сложны для одного лица. Напр. обязанность ихъ не только слѣдить за исправностью и поведеніемъ священноцерковнослужителей, но и доносить

о поведеніи ихъ епархіальной власти, какъ мы думаемъ, должна смущать совѣсть истиннаго пастыря, желающаго быть старшимъ братомъ и отцомъ для своихъ сослуживцевъ. Сожалѣніе о томъ, что не были приняты всѣ мѣры къ предварительному устраненію зла, боязнь за возможность ошибки въ такомъ щекотливомъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ оцѣнка своихъ собратьевъ, должны побуждать самихъ благочинныхъ желать, чтобы ихъ власть въ важныхъ дѣлахъ была властью не одного лица, а нѣсколькихъ. *Обвиненіе на пресвитера не иначе принимай, какъ при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ*, пишетъ ап. Павелъ Тимофею. Слѣдовательно, епископъ не имѣетъ права слишкомъ полагаться на единоличное донесеніе. По слову апостола оно должно подтверждаться еще двумя, тремя лицами. Далѣе. Мы уже говорили о желательности передачи нѣкоторыхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія епархіальной власти въ руки низшей инстанціи. Такія дѣла требуютъ опять коллегіальнаго разсмотрѣнія, будучи важнѣе тѣхъ, которыя до сихъ поръ поступали на усмотрѣніе благочиннаго. Вотъ почему мы считаемъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, чтобы благочиніемъ управлялъ благочинническій совѣтъ изъ трехъ или четырехъ лицъ подъ предѣдательствомъ благочиннаго, разбирая всѣ наиболѣе важныя дѣла, и предоставляя единоличному рѣшенію благочиннаго дѣла меньшей важности. Конечно, подобно благочинному, и остальные члены совѣта должны быть избираемы самимъ духовенствомъ.

Собранія духовенства для исповѣди. 9 ноября истекшаго года духовенство 2 окр. Новомосковского уѣзда получило отъ мѣстнаго благочиннаго—предложеніе пожаловать на 29 ноября къ 3 часамъ дня въ с. Бабайковку для участія въ совершеніи всенощнаго бдѣнія, а 30-го послѣ исповѣди духовенства въ совершеніи торжественнаго соборнаго служенія литургіи; по окончаніи литургіи предполагалось разсмотрѣть вопросъ о назначеніи на будущее время сборныхъ пунктовъ для исповѣди духовенства.

Съ глубокимъ удовольствіемъ прочитали мы это сообщеніе въ Екатериносл. еп. Вѣд. (1904 г. № 35). Авторъ этого сообщенія, священникъ И. Королевъ, говоритъ, что подобныя собранія не имѣли практическаго примѣненія не только въ его епархіи, но и въ остальныхъ; они существовали лишь въ одномъ округѣ какой-то епархіи.

Трудно себя представить, какое громадное нравственное значеніе могутъ имѣть эти собранія при ихъ настоящей постановкѣ. Кто не знаетъ по опыту, какъ необходима для поддержанія въ человѣкѣ его лучшихъ стремленій, не тѣхъ, о которыхъ непрерывно напоминаетъ сама жизнь съ ея матеріальными нуждами и заботами, а тѣхъ, которыя задыхаются отъ этихъ нуждъ и заботъ, соответствующая окружающая атмосфера. Поистинѣ надо имѣть неимоверную силу воли, чтобы сохранить въ себѣ всю горячность идеальныхъ порывовъ и постоянную энергію среди будничной, пошлой, низменной житейской обстановки, подъ гнетомъ необходимости думать о завтрашнемъ днѣ, ни гдѣ не находя себѣ равнаго отклика, не имѣя около себя тѣхъ, кто бы понималъ, посочувствовалъ, самъ пламенѣлъ и другихъ возгрѣвалъ. Сельскій священникъ почти лишентъ такой атмосферы. Около него почти нѣтъ людей, способныхъ понять все то, чѣмъ живетъ лучшая часть его души. Онъ одинокъ. Это одинъ изъ героевъ незамѣтныхъ, но очень тяжелыхъ драмъ... Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это одиночество—одна изъ самыхъ важныхъ причинъ того, почему наше духовенство часто опускается до уровня мірскаго существованія. Въ сферѣ добра и зла зараза еще сильнѣе, еще опаснѣе, такъ какъ человѣкъ почти ея не замѣчаетъ.

Легко понять отсюда, насколько полезны должны быть для сельскаго священника всевозможныя собранія духовенства, будутъ ли они епархіальными и окружными съѣздами, пастырскими собраніями или собраніями пастырей — товарищей (однокурсниковъ ¹⁾). Особенно же полезны должны быть собранія духовенства для исповѣди, такъ какъ цѣль ихъ вполне ручается за возвышенное настроеніе участвующихъ въ нихъ пастырей. Переживаемый предъ исповѣдью и послѣ исповѣди подъемъ религіознаго и нравственнаго чувства, въ уединеніи

¹⁾ О такомъ товарищескомъ съѣздѣ питомцевъ вологодской духовной семинаріи мы прочли въ Ярослав. Еп. Вѣд. (1904 г. № 37). Окончившіе курсъ въ 1894 г. дали обѣщаніе, скрѣпленное подписями, устроить чрезъ 10 лѣтъ свиданіе. Собравшись (изъ 29 человѣкъ 18 священниковъ) въ истекшемъ году, они вспоминали прошлое, говорили о томъ, какъ сложилась жизнь каждаго изъ нихъ, и ознаменовали свой съѣздъ устройствомъ стипендіи при попечительствѣ о бѣдныхъ воспитанникахъ семинаріи.

могущей свестись къ личнымъ покаяннымъ чувствованіямъ и къ пассивнымъ думамъ о прошломъ, въ братскихъ пастырскихъ собраніяхъ способенъ поднять энергію, вызвать горячее желаніе пересоздать жизнь, не печалиться только, но желать, не утомимо стремиться, работать, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Можно быть увѣреннымъ, что съ такихъ собраній многіе пастыри вернутся съ окрѣпшими крыльями, съ воскресшей надеждой, съ помолодѣвшей душой. Вотъ почему примѣръ духовенства ново-московскаго уѣзда заслуживаетъ самаго широкаго подражанія. Одного лишь нужно желать при этомъ. Пусть не будетъ внесено въ это святое дѣло принужденія, официальности и формализма. Въ нынѣшнее время многіе забыли, что такое истинная духовная власть. Она не въ томъ, чтобы приказать, а въ томъ, чтобы довести руководимыхъ лицъ до такого состоянія, въ которомъ они будутъ сами просить, умолять разрѣшить имъ сдѣлать то, чего Вы желаете. Теперь часто предпочитаютъ дѣйствовать кнутомъ, такъ какъ для него не надо имѣть ни горячей вѣры въ святость своего дѣла, ни евангельской любви и довѣрія къ людямъ.

Объ епархіальныхъ сѣздахъ духовенства изъ оо. благочинныхъ.

Мы думаемъ, что большой грѣхъ беретъ на душу свою та духовная власть, которая не только не содѣйствуетъ взаимобщенію духовенства, но и убиваетъ то небольшое, чѣмъ оно поддерживалось до сихъ поръ. Мы разумѣемъ факты, когда епархіальная власть или совсѣмъ не разрѣшаетъ сѣздовъ депутатовъ отъ духовенства, или превращаетъ ихъ въ сѣзды благочинныхъ. Депутатъ—выборный представитель, уполномоченный духовенства; благочинный — представитель епархіальной власти. Смыслъ превращенія отсюда понятенъ. Желанія духовенства, насколько то возможно, замѣняются желаніями епархіальной власти.

Мы назвали это грѣхомъ. Грѣхъ тутъ въ томъ, что обнаруживается недостатокъ смиренія въ отношеніи къ себѣ и слишкомъ пренебрежительное отношеніе къ другимъ. Архипастырь можетъ превосходить опытностью, талантомъ и другими качествами всѣхъ пастырей, но онъ никогда не будетъ обладать тѣмъ знаніемъ жизни, ея нуждъ и запросовъ, какое есть у духовенства, и какое необходимо при рѣшеніи епархіальныхъ вопросовъ.

Грѣхъ въ томъ, что своимъ недоувѣріемъ къ выборнымъ представителямъ духовенства власть естественно подрываетъ довѣріе къ себѣ самой и тѣмъ наноситъ ущербъ церковной жизни. Отнятіе у духовенства права свободнаго избранія уполномоченныхъ, назначенныхъ между прочимъ для наблюденія и ревизіи хозяйственной стороны епархіальныхъ учрежденій, существующихъ на мѣстныхъ средства церкви и самого духовенства, неминуемо должно породить недоувѣріе къ невыборнымъ депутатамъ, затѣмъ несочувствіе къ ихъ постановленіямъ, особенно тѣмъ, которыя будутъ касаться обязательнаго обложенія церквей и причтовъ, и которыя при выборныхъ депутатахъ принимаются безропотно, и въ концѣ концовъ непремѣнно упадокъ церковно-приходской и епархіальной жизни.

Грѣхъ въ томъ, наконецъ, что нарушаются права духовенства, предоставленныя ему ясными опредѣленіями Св. Синода. По уставу дух. семинарій (§ 92) и дух. училищъ (§ 22 п. 3) члены семинарскаго и училищнаго правленія изъ священнослужителей избираются самимъ *духовенствомъ*. По печенію мѣстнаго *духовенства* ввѣряются духовныя училища, содержащіяся при пособіяхъ изъ суммъ Св. Синода на средства, изыскиваемыя *духовенствомъ* каждой епархіи (уставъ дух. уч. § 2—3). *Духовенству* предоставляется право открывать сверхштатныя параллельныя классы въ семинаріи на мѣстныхъ средства (уставъ дух. семинаріи § 9), устроить свѣчныя заводы на общія церковныя средства (§ 93 п. 27), открывать женскія духовныя училища, учреждать эмеритальныя кассы и т. д. Вслѣдствіе невозможности обсужденія всѣхъ этихъ вопросовъ мѣстнымъ *духовенствомъ* во всемъ его составѣ, оно даетъ свои полномочія выбираемымъ имъ депутатамъ, составляющимъ епархіальныя и окружныя—училищныя сѣзды. Св. Синодъ, предоставляя мѣстнымъ преосвященнымъ право опредѣлять число депутатовъ и способы ихъ избранія (уставъ дух. сем. § 93 и учил. § 19), самое избраніе „выборныхъ“ или „уполномоченныхъ отъ *духовенства*“ предоставляетъ *духовенству*. По опредѣленію Св. Синода ^{18/20} дек. 1867 г. депутаты епархіальныхъ и окружныхъ училищныхъ сѣздовъ назначаются по выбору *духовенства*, а отнюдь не по распоряженію консисторіи или благочинныхъ, а по опредѣленію Св. Синода ^{17 ноября} _{19 декабря} 1869 г.

не епархіальнымъ начальствомъ и. не благочинными. По опредѣленію Св. Синода $\frac{31 \text{ мая}}{5 \text{ июня}}$ 1872 г. избранные духовенствомъ депутаты могутъ быть устраняемы епархіальною властью только при существованіи законныхъ къ тому причинъ. Заботясь о томъ, чтобы мнѣнія сѣздовъ служили выраженіемъ *желанія духовенства* (уставъ дух. сем. § 93 п. 1), Св. Синодъ старается устранить условія, препятствующія свободному и искреннему выраженію этого желанія. Такъ, опредѣленіемъ 23 сент. 1875 г. онъ утвердилъ заключеніе учебнаго комитета, запрещающее избирать не только въ предсѣдатели, но и въ депутаты сѣздовъ, членовъ консисторіи, такъ какъ они своимъ вліяніемъ и положеніемъ могли стѣснять подчиненное имъ, въ отношеніи епархіальнаго управленія, духовенство въ свободномъ выраженіи своихъ мнѣній.

Не можетъ быть должнаго уваженія къ закону въ подчиненныхъ, если сама власть допускаетъ явныя нарушенія его.

Когда наша замѣтка была уже написана, мы случайно прочитали въ Русск. Листкѣ (№ 3) жалобу одного священника на то, что въ его епархіи нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ не было епархіальныхъ сѣздовъ, что они были замѣнены сѣздами оо. благочинныхъ; да и объ этихъ сѣздахъ мало кому что извѣстно. О чемъ обсуждалось на этихъ сѣздахъ, что постановлено, объ этомъ ни словомъ не обмолвился мѣстный епархіальный органъ ¹⁾. Одинъ изъ участниковъ сѣзда откровенно сообщилъ автору, что программа сѣзда опредѣляется епархіальнымъ начальствомъ, что сельскіе оо. благочинные почти не открываютъ рта, стѣсняясь академистовъ, городскихъ благочинныхъ, или боясь сказать что-

¹⁾ По опредѣленію Св. Синода $\frac{13}{20}$ декабря 1867 г., въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ издаются епархіальныя вѣдомости, журналы сѣзда должны печататься въ таковыхъ вѣдомостяхъ. По опредѣленію Св. Синода $\frac{27}{31}$ авг. 1873 г. въ видахъ обсуждения сѣздами обстоятельнаго и согласнаго, какъ съ потребностями духовно-учебныхъ заведеній, такъ съ другой стороны съ желаніемъ духовенства, епарх. начальство о подлежащихъ рѣшенію сѣзда вопросахъ заблаговременно извѣщаетъ по епархіи. На самомъ же дѣлѣ въ епарх. вѣдомостяхъ объ этомъ сообщается крайне рѣдко.

нибудь такое, на что неблагоклонно посмотреть начальство. Городскіе же благочинные своихъ дѣтей воспитываютъ большею частью въ свѣтскихъ заведеніяхъ и потому въ судьбѣ духовныхъ заведеній заинтересованы мало.

В. Мышцынъ.
